

Глава 4. Патреншина.

Наверное, эта история должна начаться так... Давным-давно~

Жила была девочка.

Она была бедной и ничем не выделялась, кроме своего роста. Она была старшей дочерью в беднейшей семье издольщиков, и заботилась о своих пятерых младших братьях вместо своих родителей, которые целыми днями проводили время в поле.

— Мы оставляем работу по дому на тебя, ты ведь хорошая девочка!?

Её родители использовали эти слова как заклинание, чтобы возложить на свою дочь множество обязанностей. Девочка, которая считала это естественным, не была несчастной. Её братья были надоедливými, но все были милыми. Когда она видела, как её родители возвращались с изнеможением, она не хотела ещё больше обременять их своей своенравностью. По своей природе она предпочитала терпеть, когда ей было грустно. Всю свою нищую жизнь она была хорошей девочкой.

Этой доброй девочке не повезло, и её родители умерли один за другим от истощения, когда ей было всего восемь лет. Девочку и её пятерых братьев пинали, как мяч, от родственников к родственникам, прежде чем их забрали дальние родственники с большой семьей.

И, конечно же, их не приняли как часть семьи. Они стали слугами, но по факту были рабами. Это было обычное явление.

Несмотря на такое, семья, которая вела себя подобным образом, продолжала казаться доброжелательной к своим соседям. Девочке было всего восемь, и работать могли только она и старший сын, иногда и второй. Остальные трое были слишком молоды.

Было целых шесть ртов, которые нужно было кормить, и три из них работали за бесплатно. Не видя всей картины, людей впечатляла эта большая семья, которая заботилась о своих родственниках. Девочка и её братья в целом не возражали. Они с самого начала знали, что не имеют права жаловаться, и понимали, что они бельмо на глазу у этой семьи. Сами члены этой семьи недвусмысленно на это намекали.

Как бы то ни было, с момента удочерения, девочка много работала. Одна из родственниц пригрозила не кормить братьев, поэтому у неё не было другого выхода. Стирки, уборки, заботы о поддержании чистоты и прочие домашние дела... ей приходилось безжалостно брать на себя все эти кропотливые задачи. Рабочая нагрузка была через чур тяжелой, и, проще говоря, с ней обращались как с инструментом, который они не прочь сломать в любой момент. Они специально гоняли её туда-суда с намерением утомить, чтобы потом не дать ни еды, ни сна.

Единственным спасением для девочки стало её относительно здоровое тело, благодаря питанию и возрасту. В противном случае, она закончила бы также, как её родители. В её безнадежном положении это было единственной подушкой... Хотя на самом деле это стало её самым большим несчастьем.

Независимо от того, насколько усердно она работала, чтобы создать оплот к существованию, было трудно защитить здоровье её братьев в таких суровых условиях труда. Первым заболел второй сын. Его сухой кашель усиливался, и ему было трудно дышать. Девочка кормила его в перерывах между работой, но через месяц его состояние не улучшилось. Её родственники захотели “отправить его к врачу для выздоровления”, и для этого увели второго сына из дома и сказали остальным братьям и сестре.

- Если будете усердно работать, то мы предоставим вашему младшему брату адекватное лечение...

Поэтому нужно работать вдвое больше, - сказали они. Девочка кивнула и сделала, как они сказали. Поскольку она могла спасти своего брата, у неё не оставалось выбора.

Прошло три года. В этих суровых условиях один за другим слегли её братья. Хороших новостей не было. И как бы она не поднимала эту тему, второй и первый сыновья, которых куда-то забрали, так и не вернулись.

Ничего удивительного, если бы она тоже рухнула в такой обстановке, но к её собственному удивлению, тело девочки было очень крепким и смогло привыкнуть к грубой еде и короткому сну. Напротив, её вклад стал вдвое больше, чем у остальных, однако от этого родственники к ней не стали лучше относиться. Они просто улыбались этому инструменту, который прослужил дольше, чем ожидалось.

Её дальние родственники часто её донимали. В захолустье, в котором они жили, не хватало развлечений, поэтому их добычей становились люди, явно принадлежавшие к низшему сорту. Насмешки и издевательства были нормой, но и физическое насилие было не редкостью. Они даже издевались по поверхностным причинам. К примеру, докапывались до её грязного внешнего вида. Это было наиболее удобным предлогом, учитывая, что ей не давали сменной одежды.

Несмотря на эти издевательства, девочка никогда не питала обиды на этих родственников. Она заперла своё недовольство глубоко внутри, думая, что выжила только благодаря им. Мягкая натура девочки заставила её пойти по этому пути.

Однако бывали моменты, когда её сердце не выдерживало этого. Она сворачивалась в клубок в своей постели, сделанной из соломы, и напевала песню, которую пела ей покойная мать.

- Озорная де-вочка Па-трен-шина... и сегодня не смогла... у-си-деть...

- Широко откры-ла... она свои глаза-ща... и начала... цель себе искать!

- Ви-дит мальчишку... идущим по доро-ге... что-бы доста-вить... отцу его обед...

- Но... ты смотри... как обед она съеда-ет... и оставля-ет... всех вокруг ни с чем!

Мысль об этом заставила её сердце биться чаще, когда она молча напевала эту песенку.

- Бу-дем рабо-тать... рук не поклада-я... мы уж позаботимся... сделать всё как на-до!

В легкомысленном ритме детской сказки описана жизнь проблемной девочки Патреншины, которая любила шалить.

Из всех песен, которые ей пели родители, эта понравилась девочке больше всего. Ведь Патреншина, изображённая в этой песенке, такая беззаботная. Мечтая о такой свободной жизни, девочка на время забывала о своих заботах и получала необходимую передышку. А Патреншина делала для неё то, чего девочка не могла.

Озорную девчушку прощали окружающие, а это означало, что они проживают лёгкую жизнь. Для девочки, которая никогда не наслаждалась роскошью, у неё не было иного выбора, кроме как оставаться хорошей. Следовательно, Патреншина стала для неё героем в определенном смысле, и могла того, чего девочка никогда не могла достичь. К тому моменту, как она представляла внешность, слова и её действия, Патреншина стала нечто большим, чем просто вымышленным персонажем, и со временем она даже стала лучшей подругой девочки.

Девочка стала мечтательницей. Как Патреншина разыграет своих родственников? Только в такие моменты она придумывала жестокие планы мести, которые никогда бы не попробовала. Идеи, которые девочка не могла представить... Патреншина могла. Действия, которые девочка не могла сделать... Патреншина могла. Верно... поскольку Патреншина не она сама, то она может делать всё что угодно.

Её единственным утешением было воображение, и девочка спокойно переживала суровые дни. К концу четвёртого года, к врачу отправили последнего её брата. Чтобы они не прекращала лечения, девочка отчаянно работала, ожидая тех дней, когда её братья вернуться здоровыми.

Одной ночью, получив инструкции убраться как обычно, девочка направилась в редко используемую хижину.

Но сейчас там горел свет. Эта хижина использовалась как место бесед детей вдали от ушей родителей. Сегодня, они этим тоже занимались. Девочка, которой велели прибраться в хижине, в растерянности встала снаружи, а затем услышала разговор изнутри.

— Эта девка, конечно, та ещё тупица. Всё ещё верит, что её братья вернуться.

— Наш скупой отец никогда не отправит бездельников в больницу.

Девочка окаменела. Она подкралась к окну и тихонько заглянула.

— Так проблемно разбираться с ними по одному. Даже несмотря на болезнь, такое сопротивление оказывали.

— Верно, самый настоящий бой устраивали. Один даже за руку укусил.

— Тебе не хватает техники. Забить их не сложнее, чем свинью... Так что~

Старший сын начал демонстрировать то, как он это делал. С коварной улыбкой, он продолжил говорить.

— Сзади крепко хватаешь за голову и перерезаешь горло. Всё же просто!

Увидев иллюзию смерти от перерезанного горла, девочка отчаянно подавила крик и ушла с пустым сознанием.

Она бросилась в обветшалую хижину, в которой спала, и легла лицом на солому. Девочка медленно собиралась с мыслями, приходя в чувство от своих страхов. Осознав правду, она молча вопила и стонала от боли.

В самом деле... она никогда не сомневалась. Девочка не была полной дурой. После того, как их отправили к врачу, почему никто из её братьев не вернулся? Почему ей не разрешили их навестить? Почему единственные новости о них – это фразы о том, что они ещё выздоравливают? Ответ был очевиден, но девочка продолжала об этом не думать, чтобы сохранить свои надежды. Однако они рухнули после признания двух сыновей.

Они соврали, - пробормотала девочка. Её братья всё ещё были живы и скоро вернутся здоровыми. Не зря же она всё это время так много работала.

Однако кто-то глубоко в её сердце холодно опроверг это. Девочка ошибалась с самого начала. У этих людей не было причин оставлять её братьев в живых.

- Эй, как думаешь... что мы должны сделать?

В её голове раздался голос. Голос казался знакомым, полным той жестокости, которой не хватало девочке, и который развращал её разум, как шипы на виноградной лозе.

- Ну же... что ты хочешь сделать?

Девочка покачала головой на прямой вопрос, - я не знаю. Я не знаю, что делать. Поскольку она была хорошей девочкой, она всегда контролировала себя, чтобы не затаить гнев и не двигаться дорогой ненависти. Она много работала, чтобы не испытывать злых эмоций. В такие моменты она просто не знала, что делать.

- Тогда я буду делать то, что мне нравится.

Таким образом, это предложение стало для девочки последним спасением.

Она перестала думать. Она поняла, что, будучи хорошей девочкой ничего не добьётся, а это означало, что ей сейчас нужен герой. Она от всего сердца пожелала о некоем нечто, которое бы могло делать то, чего она сама не могла.

И вот так... она неизбежно ответила на её желание.

- Озорная де-вочка Па-трен-шина... и сегодня не смогла... у-си-деть...

- Широко откры-ла... она свои глаза-ща... и начала... цель себе искать!

Девочка естественно открыла рот и запела. Её песня была искренней, как будто она молилась о спасении Богу.

- Ви-дит семью... большущую такую...

Вся семья смеялась, когда мучала больных детей.

Её страстный голос дрожал. Негативные чувства, прочно запертые внутри неё, хлынули, как раскаленная лава.

- Его я ■, её ■, того вообще ■, я всех их ■!

Её сердце забилося от этой мысли, и она продолжила про себя напевать.

Ярость и ненависть достигли пика и породили чувство безумия. Её рот зловеще извернулся.

— Бу-дем рабо-тать... рук не поклада-я... мы уж позаботимся... сделать всё как на-до!

Конец сказки в тоже время стал её началом. После этого объявления добродушная девочка, вставшая с сена, стала совершенно другим существом.

А занавесом этой ночи... стала страшная трагедия.

Оглушительные выстрелы эхом раздались у подножия гор Великой Альфатры.

Две тысячи бывших заключенных и десять тысяч частично вооруженных преданных устремились к Имперской армии перед ними. Не было никаких команд или построений. Просто скопление неподготовленных любителей. Но даже так, они представляли силу, с которой нужно было считаться. Столкнувшись с численностью в пять раз большей, даже обученные солдаты окажутся в опасности.

— Огонь!

Предупреждения и угрозы перестали действовать. Стрелки в аккуратном построении нажали на спусковые крючки с напряжёнными лицами. Выстрелы раздавались время от времени, показывая их нерешительность относительно стрельбы по своим гражданам. За исключением тех, кто застал восстание племени Шинарк, эти имперские солдаты не имели никакого опыта в борьбе с беспорядками, начатыми гражданскими.

— Ай! — Эй...

Те, в кого попадали, с криком падали, и их немедленно сменяли позади идущие. Они держали в руках винтовки старого образца, которые раздала Элулуфай. Преданные не умели ими пользоваться и впервые взяли за это оружие, поэтому точность их стрельбы была крайне низкой. Однако всё будет иначе, когда они подойдут поближе. Солдаты забеспокоились.

— Всем подразделениям держать свои позиции! Не разбредайтесь!

Громко кричала Императрица взволнованным солдатам. Чтобы помешать преданным атаковать, имперцы развернули широкий фронт, чтобы остановить толпу, но Шамия предостерегла их от такого неадекватного хода.

— Но Ваше Величество, они ведь сбегут в горы...

— Имбецил. Хочешь преследовать стадо овец на глазах у стаи волков?

Она пристально посмотрела на протестующего офицера. Она правильно посчитала, что эта ситуация как-то связана с инцидентами, произошедшими ранее.

— Расширение линии обороны нас ослабит. Если мы отвлечёмся на бунтующих, то солдаты Киоки нанесут удар. Наш лагерь всё это время развевается под знамёнами Императрицы.

Неужели ты не понимаешь, что противник будет атаковать изо всех сил, если представится возможность?

Когда король находится в поле зрения, любой шахматист предпримет попытку поставить мат. В отличие от преданных, которые пытаются сбежать из страны, у солдат Киоки есть очевидная тактическая цель. Чтобы поднять боевой дух, Шамию лично вышла на передовую, однако объявление о своём присутствии также сопряжено с риском.

Представляя врага, подкрадывающегося к ней, Шамию строго сказала.

— Укрепите оборону, сформировав квадратные построения! Это снизит нашу мобильность, но сейчас самая насущная проблема – защитить себя от атаки врага. Если мы не будем показывать им спины, они ничего не смогут сделать!

Прямо сейчас 2000 солдат под её командованием были рассредоточены, преграждая горную тропу спиной к горам. Однако можно было попасть в горы другим способом, но он был опаснее с более извилистой дорогой. Если преданные попытаются обойти их, то Шамию изначально планировала разойтись и оставить их. Но в данной ситуации ей пришлось поступить иначе.

У имперцев было 2000 солдат, в то время как преданные и подразделение Киоки, которое внезапно появилось, насчитывали 12000. Несмотря на цифры, большая часть людей не бойцы, а у Киоки недостаточно оружия. Таким образом, реальная боевая сила составляла около 4000 человек. В их вооружении были старые ветряные винтовки, так что 4000 в полной мере не отражают их боевого потенциала. Учитывая, что противники в основном любители, имперцы могут взять верх.

Когда Императрица раздавала конкретные указания, к ней подбежал офицер с напряжённым лицом. Он преклонил колено перед ней и доложил.

— Ваше Величество! Как ни прискорбно, но линия фронта шатается из-за давления врага! Для обеспечения вашей же безопасности, пожалуйста, отступите в горы вместе с королевской стражей!

— Что?

Шамию нахмурилась. Её войска начали ограждать территорию всего через несколько минут после начала битвы. Ещё было слишком рано. Да, они были в меньшинстве, но нападающие были простыми людьми с оружием, и их легко остановить залпами выстроившихся рядов стрелков.

Взглянув на передовую, она пришла к ответу.

- Войска не решаются стрелять?

Тихо сказала она про себя. Поскольку они стояли спиной к горам Великой Альфатры, линия фронта до тыловых эшелонов, где находилась Императрица, имела плавный уклон. Это дало Шамию высокую точку обзора для наблюдения за своей армией.

Солдаты, которые из всех сил пытались выполнить свой долг против бунтующей толпы, отразились в её зрачках. Стрельба по собственным гражданам заставила их потерять боевой дух, и скорость стрельбы значительно снизилась.

— Эх, как я и говорила, у этого метода дурной тон.

Сказала Элулуфай, глядя на спины преданных. Сцена перед ней была далека от её идеального поля битвы.

— Сегодня ночью мне будут сниться кошмары. Они может и граждане вражеской нации, но видя, как их используют в качестве мясных щитов... счастливой от этого я точно не становлюсь.

— Ты права, но мы не можем стоять впереди. В таком случае они просто нас пристрелят.

Спокойно высказал своё мнение Грег, взглянув на разницу в их вооружении. Великая Мать Белых Крыльев неохотно кивнула.

— Да. Другого пути нет, и мне нужно лишь закалять себя ради моих милых детей... Готовьтесь к атаке!

Элулуфай подавила недовольство и приказала громким голосом. Несмотря на то, что её так неожиданно подтолкнули в бой, её навыки ни чуть не заржавели.

— Понятно. Хорошо это или плохо, но они верят, что мы их защитим...

С другой стороны, Императрица вспомнила, что сказал офицер во время восстания Митокадзуруку.

Этот комментарий касался не только мирных жителей. Имперские солдаты также признали свои обязанности стражей. Прошло много времени с тех пор, как они пережили крупномасштабное гражданское восстание, и сейчас их это мучило.

— Если бы Киока не захватила восточные территории, то одним гражданским бунтом было бы больше. Неужели, это результат того, что кровь не проливается?

Пробормотала Шамию. Говорить сейчас подобное было проблематично для монарха, но отчасти это было правдой. В условиях медленной смерти и упадка страны граждане не могли добровольно умирать вместе с ней. Они вышли из своего долгого сна и захватили власть, чтобы управлять своими жизнями. Это было то, к чему стремилась Императрица, но сейчас было неподходящее для этого время.

— Похоже, мне нужно поговорить с ними лично.

Будь то граждане или кто ещё, если они нападут на неё враждебно, она их уничтожит. Императрица сделала шаг вперёд, чтобы оказаться рядом с солдатами, но была остановлена стоящим рядом с ней офицером.

— Простите за наглость, Ваше Величество! Но риск подставиться под врага слишком велик. Почему бы нам не вернуться в горы? С возвышенностью в той местности, подходящей для защиты, бой будет намного проще. Мы сможем нанести ответный удар после возвращения подразделения бригадного генерала Сазаруфа!

Офицер остался стоять на коленях, рассказывая о преимуществах отступления. Ему потребовалось всё мужество, чтобы продолжить гнуть свои убеждения под опасным взглядом Императрицы. Однако его храбрость также проистекала из гордости, запечатленной в его сердце как хранителя.

В воздухе повисла суровая ледяная тишина. Поскольку ответ Императрицы, казалось, длился вечно, офицер смахнул слёзы. Он боялся потерять голову, когда услышал нежный голос спасения.

— Ваше Величество, я думаю также. Мы должны на время отступить.

— Харо...

Заговорила девушка-офицер, стоящая позади, немного смягчив взгляд Императрицы. Остальные офицеры вздохнули с облегчением. Не было лучшего кандидата, более подходящего для убеждения их монарха.

— Сейчас в этой толпе безоружные люди, дети и старики, вперемешку с вооруженными солдатами, идут прямо на нас, и атаковать их будет сложно. Однако разница в их выносливости будет сразу заметна, когда они ступят в горы. Обладающие выносливостью и боевым духом выбегут вперёд, а те, у кого их нет, отстанут. Это облегчит нам битву.

Харо отметила преимущество отступления. Закрыв глаза и подумав несколько секунд, Шамию

приняла это предложение. Важно было изменить точку зрения солдат, но важнее было минимизировать их потери.

— Хорошо. Если отбросить менталитет солдат, то это логичный выбор. Оставляя в стороне атаку на равнинах, не думаю, что толпа ополченцев сможет также воевать в горах.

Добавила Императрица, чтобы убедить саму себя. Приняв решение об отступлении, она сразу же отдала приказ своим подчиненным.

— Продолжайте стрелять при отступлении. Не паникуйте! Горы не так уж далеко...

Пока войска Шамию, атакованные объединёнными силами взбунтовавшихся преданных и моряков Киоки, начали отступать в горы, битва в джунглях на дальних рубежах изменилась.

— Вот оно.

Горько сказал пухлый парень, глядя на густые джунгли перед ним. Он разрывался между своими обязанностями перед людьми и требованиями его как командира. Неужели он спас всех своих солдат, застрявших в джунглях после попадания в ловушку? Ответ был отрицательный. Ситуация резко улучшилась после того, как батальон Торвэя, опытный в такой местности, вступил в бой, и 70% потерянных солдат были возвращены. Но это также означало, что 30% потерянных солдат всё ещё числились без вести.

Однако большинство из них, вероятно, были мертвы или взяты в плен. Это предположение подтверждается резким падением числа спасенных солдат за два прошедших дня.

— Сейчас подходящее время для прекращения операции. Чёрт!

Пробормотал Мэттью, словно пытался убедить себя. Он также не мог здесь больше оставаться. В тот момент, когда их заставили вернуть своих граждан, битва уже была проиграна. Лучшее, что он мог сейчас сделать – это минимизировать их потери.

С этой точки зрения их следующий вектор действий будет иметь решающее значение. Силы Киоки и Священной Альдеранской армии воспользуются этим шансом для атаки, когда они будут возвращаться извилистым горным путём. Отказаться от погони и вернуться на северные территории будет сложно. Но, чтобы сохранить силы и справиться с этой ситуацией, ему необходимо остановить спасательную операцию, когда эффективность упадёт ниже определенного уровня.

— Как только вернётся отряд из джунглей, все начнут отступать. Держите это в секрете и сделайте вид, что мы всё ещё продолжаем спасательные работы. Я хочу на как можно большее

время отсрочить преследование врага.

— Есть!

Понимая намерения Мэттью, младшие офицеры начали действовать. Те, кто обычно упрекал своего молодого начальника, сейчас были гораздо стоворчивыми. Было ясно, что их безрассудные действия привели к этой ужасной ситуации, и подразделение Торвэя, которое перевернуло положение, тоже сыграло свою роль. Даже если найдутся те, кто будет всё это отрицать, они не будут высказываться против своего начальника, поскольку не хотят понижения в звании после окончания этой войны.

— Однако наш оппонент так легко на это не купится.

Про себя добавил Мэттью, глядя как его люди уходят. У него было ощущение, что худшее ещё впереди, и он пока не мог позволить себе быть оптимистом. После прошедшего боя, он уже лишился всяких надежд.

В то же время, на другом конце джунглей, в лагере Киоки. Большинство беженцев отправили в саму страну, и теперь их присутствие в лагере ослабло. Генерал-майор Алкиникс получил отчёт от своих подчиненных на командном пункте и, как и опасался Мэттью, внимательно следил за любыми признаками отступления противника.

— Хорошо, переходим в наступление. Всем подразделениям приготовится нанести удар в спину врага.

Спокойно заявил Джин, пока один из офицеров пристально на него смотрел. Он был прямым начальником форта, который подвергся внезапной атаке в начале конфликта.

— Будет ли это мудрым решением? В более ранних сообщениях не было никаких признаков отступления противника. Если мы атакуем слишком рано, мы понесём большие потери при выходе из джунглей. По моему скромному мнению, мы должны набраться терпения и действовать, когда враг наверняка отвернётся.

Его тон был учтивым, но в его словах была явная враждебность. Джин откровенно ответил офицеру, как если бы он разговаривал с другим подчиненным.

— Ях*, в ваших словах есть смысл. Но в данном случае я уверен, что командующий войсками противника отступит, когда эффективность его спасательной операции упадет ниже определенного порога.

Мягко сказал беловолосый офицер. Он пока игнорировал открытую враждебность, и пытался

объяснить свои методы другим подчиненным, у которых были сомнения. Для Джина подобное не было ни хлопотным, ни болезненным делом.

— Вам будет трудно с этим смириться, однако противник захочет вступить в бой с нами после того, как достигнет благоприятной местности в горах. Их тактические возможности будут слишком ограничены, если они вступят в бой с нами сразу после того, как мы выйдем из джунглей. Не думаете ли вы, что это уже пойдёт вразрез с планами врага?

— ...

— Более того, если мы задержимся с самого начала, противник будет хорошо подготовлен к обороне, когда достигнет гор. Наши потери в этой ситуации будут больше, чем любые потенциальные потери, которые мы можем понести, если атакуем их, выйдя из джунглей. Поэтому нам нужно действовать сейчас, независимо от того, сможем ли мы ударить врагу в спину или нет.

Джин уже взвесил все возможности на весах. В большинстве случаев его мысли уходят дальше, нежели у других офицеров, и этот случай не исключение. Понимая, что прямо опровергнуть генерала он не может, полевой офицер недовольно нахмурился и неохотно сказал.

— Простите, похоже, знаменитому Сияющему Бессонному Генералу не нужны советы такого ворчуна, как я.

Сказав это, он встал, затем вышел из палатки, сказав свою последнюю речь: “Пойду пока проверю людей”. Он решил воспользоваться этим шансом, чтобы понизить репутацию Джина в этих дебатах, но, поскольку он потерпел неудачу, он не мог здесь больше оставаться. Анарай, наблюдавший за цепочкой событий, пожал плечами.

— Его так легко прочесть. Джин, когда тебе приходится иметь дело с такими людьми, какую позицию ты обычно занимаешь? Хочу потом на это сослаться.

— Ммм*, ничего особенного. Если человек способный, то я готов показать своё мастерство и заставить его подчиниться, даже если на это уйдёт какое время. Если же это кто-то некомпетентный, я снимаю с них выполнение моих непосредственных приказов. Что касается этого человека... к сожалению, если он не планирует исправлять своё отношение, то я отнесу его к последним.

Убежденно сказал бессонный генерал. Будучи молодым гением, у него был свой способ подняться по служебной лестнице. Однако его методы граничили с высокомерием.

— Я хочу видеть в подчинённых свои конечности, которые с молниеносной скоростью осуществляют мои намерения. Пока они не рушат эту концепцию, они могут стремиться к славе или быть настолько дерзкими, насколько захотят. Однако само собой, всё, что выходит за рамки установленных ограничений, подвергает организацию опасности.

— И то правда. К сожалению для тебя, в любую эпоху есть подавляющее количество людей, которые полагаются на стаж работы, исходя из возраста и накопленного опыта.

— Ах*. Надеюсь, что такие люди тогда просто посмотрят на мои волосы. Так у них хотя бы будет душевное спокойствие.

Сказал Джин, намекая на свои белые волосы. Вот как~ Старый мудрец засмеялся над его шуткой.

— Как вы и говорили, в наших рядах тоже есть враги. От тех, кто просто пытается сбить меня с толку, от тех, кто ударит мне в спину при любой хорошей возможности, до тех, кто пытаются меня эксплуатировать... проблем вполне достаточно.

Молодой Джин неоднократно продвинулся по карьерной лестнице вопреки установленным нормам и нажил себе множество врагов за свои усилия. Разница в масштабе различается, но его проблема схожа по природе с той, с которой столкнулся Мэттью Тетдрич. Ключевое отличие заключалось лишь в том, что Джин говорил с позиции победителя. Благодаря своим способностям как стратега, и благодаря своей политической борьбе за власть его сторонников, он добился победы во всём, достиг генеральского звания и в будущем взлетит ещё выше. Все эти жалобы полевых офицеров не пошатнут его прочного основания.

— Как бы там ни было, я хочу сосредоточиться на наших внешних врагах. К ним присоединилось новое неизвестное подразделение, и давление, которое мы оказали на них, недостаточно, чтобы оценить их истинную ценность.

Джин неосознанно продемонстрировал ауру человека, занимающего высокое положение. Парень наслаждался столкновением с вражеским командиром, которого он ещё не видел. Тот явно не воспринимает всё легкомысленно. Независимо от того, кем он был, Джин придёт в восторг, когда настанет время показать свою силу.

— Будь то друг или враг, я готов к тому, чего никогда раньше не встречал. У моего адъютанта есть плохая привычка беспокоиться об этом, но... давайте воевать.

В этой отвратительной семье было 8 мужчин и 7 женщин в возрасте от 15 до 70 лет. ■■■ всех за одну ночь было непростой задачей даже для озорной Патреншины.

Однако её не беспокоило, как она будет их ■■. В прошлом она уже придумала кучу хороших способов. Когда она поддерживала огонь на кухне, когда гладила одежду чугунным утюгом, когда набирала воду из колодца... всё это время она думала, пока хорошая девочка работала. Всё, что ей нужно было сделать – это не вызвать шума, когда она будет ■■. В таком случае, она сможет мучить их так долго, насколько это возможно. Было много способов, и ей лишь оставалось натянуть план на ситуацию и исполнить его.

— Хмм? Ты чего здесь делаешь в такое время, чертовка!?

Первой её целью была тетя Кумуру. Она была надменной и ленивой. Она всегда перекладывала свою работу на девочку и её братьев.

Когда женщина увидела девочку у входа, она хотела закричать на неё, но отсутствие у неё духа света стало её ошибкой. Девочка засунула белую ткань в рот тети, прижала её к стене и перерезала ей горло и бедро ножом для фруктов. Таким методом резали свиней, и из артерии женщины хлынула кровь. Её вопли, должно быть, были похоже на визг свиньи, и девочке было жаль, что она этого не слышала.

Полностью залитая кровью женщины, девочка отступила назад, когда тетя Кумура перестала двигаться. “Этот метод не годится”, - подумала Патреншина. Она была умна и больше не наступала на те же грабли. Она сняла одежду с ■■■ тети и спрятала её под энгавой*. Она наугад разрезала ткань по своей фигуре, а потом смыла кровь родниковой водой перед тем, как надеть её. Внешний вид был ужасен, однако на ней это не выглядело неуместно, поскольку она всегда была грязной.

Патреншина взбодрилась и решила сделать своей следующей целью дядю Табуру. Он был жестоким человеком и изливал свою ярость на других, когда напивался. Основная причина, по которой её младший брат слёг, заключалась в том, что дядя ударил его ногой в живот.

Она предприняла действия сразу после того, как увидела тетю Кумуру, но в этот раз она решила проявить осторожность и устроила засаду снаружи. Подумав, что с кровью и с ■■■ хлопотно иметь дело, она решила хотя бы с половиной разобраться на улице. Девочка постучала в дверь. Как она и ожидала, её цель появилась вскоре после того, как кто-то вышел из дома с духом света. Он, вероятно, почувствовал, что что-то не так, раз его женщина не вернулась, но он не стал проверять дно энгавы. После того, как дядя Табура осмотрел окрестности, он направился к колодцу за домом.

— Кумуру, ты где!? В колодец что ли упала?

Патреншина прекрасно предсказала его действия, и его было легко столкнуть, когда он наклонился, чтобы проверить колодец. Она закрыла крышку колодца прежде, чем дядя успел закричать. Колодец был глубоким, и без чьей-либо помощи выбраться из него было невозможно.

В этот раз, когда она это сделала, ощущение было освежающим. Не позволяя им легко ■■■ - было тоже неплохо. Перед тем, как толкнуть дядю Табуру, она ударила его ножом в бок, поэтому он, должно быть, сейчас плавает в воде, окрашенной в красный цвет от его крови.

— Хмм~

Патреншина повернулась, чтобы спрятаться за деревьями у входа. Если возможно, она хотела

бы использовать тот же метод, чтобы убить двух человек, но проблема заключалась в том, что её следующая жертва не вышла. Было поздно, значит, остальные сейчас спали. Она была немного расстроена, что не получится осуществить тот же трюк, но это не рушило её планы.

— Ладно, будем следовать установленному порядку.

Сказала Патреншина, входя в темный дом через входную дверь. Они заставляли девочку выполнять все их прихоти, поэтому она знала, кто в какой комнате спит. Некоторое время она никого не чувствовала, пока шла по коридору, и решила, что три сына не спят и собрались в отдельно стоящей хижине. Вероятно, они планировали пить до утра и использовать воду из чана вместо черпания воды из колодца. На данный момент ей не нужно было беспокоиться об их вмешательстве.

Тем не менее, самое сложное было впереди. Поскольку члены семьи были со своими духами, то было трудно их атаковать во сне. Ворваться в комнату, чтобы прикрыть рот духу, а затем проткнуть хозяина в грудь... такое было возможно, но она не думала, что получится осуществить такое десять раз. Люди или духи в скором бы поняли, что что-то не так, и проснулись. Ещё одной опасностью было то, что члены семьи могли спать не по одиночке.

И, конечно, у Патреншины был план на этот случай. Она прошла мимо комнаты своей добычи и направилась в комнату дяди Табуры. Пробравшись внутрь и закрыв дверь, она открыла шкаф глубоко внутри, где хранился большой арбалет. Хобби этого пьяницы была охота.

— Тяжёлый...

Она взяла арбалет и встала в стойку. Оружие было тяжёлым, но девочка привыкла к тяжестим, поэтому могла с ним справиться. Проблема была лишь в том, как его зарядить. Девочка в прошлом видела, как её дядя натягивал лебёдку, и сейчас она была в предвкушении, сможет ли также.

Патреншина взяла из колчана столько болтов, сколько могла, и вынесла с собой. Сейчас она была более уверенной, но её приготовления ещё не закончились. Даже с другим оружием сложность проникновения в комнаты оставалась прежней.

Оставив на пока заряженный арбалет в углу комнаты, Патреншина стянула с кровати постельное белье и положила перед дверью. Постельное белье, лежащее друг на друге, было целой роскошью для девочки, спящей на соломе. Она подавила желание прилечь на него и закончила приготовления.

Она подошла к стене и постучала по ней тыльной стороной ладони. Вторая дочь супружеской пары спала по соседству. После нескольких стуков из соседней комнаты раздался шелестящий звук. Вероятно, кто-то встал, после её стуков о дверь. Когда приближающиеся шаги становились ближе, Патреншина подняла заряженный арбалет, стоя за дверью, которую намеренно оставили открытой.

— Ааах... Пап, ты такой шумный... Что ты делаешь в такой час!

Кости громко треснули. Стрелок подошла ближе ко второй дочери, ничего не видевшей со спины, и выстрелила из арбалета в упор ей в затылок.

Вторая дочь упала прямо на постельное белье. Кровь, полившаяся из раны, залила постель. Спазмы в скором времени прекратились.

— Да, это триумф.

Пометила она, говоря об огромном успехе. Патреншина невинно улыбнулась. Она поразила цель одним выстрелом без какого-либо сопротивления и свела шум на нет. Никто в доме не был умнее, и тишина служила тому доказательством.

— Хорошо, следующий.

Она тихонько закрыла дверь, выйдя из комнаты, и направилась в комнату второй дочери, которую она только что ■. Первое, что она сделала, это связала духа, лежащего в корзинке. Закончив, она стащила постельное белье с кровати и нетерпеливо положила его перед дверью, повторив то, что сделала раньше.

— Эй, сестра. Что за шум такой поздней ночью!

— Что за шумные стуки!?

— До сих пор не спишь? Дай мне хотя бы отдохнуть... Гахаа...

Перебираясь таким способом в следующие комнаты, после ■ владельцев, она убила шесть человек подряд. Дела шли гладко, и Патреншина была в отличном настроении. Братья и сестры в этой семье были подростками, и это было удобно, что в комнатах не было маленьких детей. Выполнив план, она переоделась в старую одежду.

Помимо трёх сыновей в отдельно стоящей хижине, в доме осталось лишь две пары: родители, да бабушка с дедушкой. Супружеская пара спала в одной комнате, так что для их ■ потребуются некоторые усилия. Если она разбудит их обоих, и они пойдут проверять комнату, то её прежний метод безопасно не сработает.

Ей не хотелось этого делать, но Патреншина решила подкараулить возле туалета на первом этаже, ожидая, пока один из этих четверых воспользуется уборной. В последнее время пожилая пара часто посещает туалет, поэтому у этого плана есть высокие шансы на успех. Как и ожидалось, после ожидания менее часа в темноте, она услышала шаги.

— Эх, в последнее время так часто приходится ссать... какая боль... Хм?

Дед, спустившийся в туалет вместе со своим духом света, остановился у входа. Он увидел постельное бельё, разложенное примерно в 50 см от входа в туалет.

— Чё это оно здесь делает? Кто-то обоссался в кровать?

Он был озадачен, но в любом случае, его потерянный от сна мозг никак не мог понять значение этого постельного белья. Старик открыл дверь.

— Приятных снов.

Сказала знакомая девочка в туалете, и в этот момент его ударили по лбу. Старик упал на постель позади себя. Его ■. Удивлённое лицо с широко открытым ртом стало признаком того, что он до самого конца так ничего и не понял.

Патреншина связала духа и закрыла его в туалете. Видя ■ старика, она нахмурилась. По его паху растекалось мокрое пятно. Это было очевидно, раз он шёл в туалет, однако девочка оказалась здесь слишком беспечной.

— Ну вот~ всё изгадил. А я хотела подождать здесь бабушку. Ладно, забудем об этом.

Она с готовностью изменила свои планы, вернувшись на второй этаж. Девочка остановилась перед комнатой пожилой пары и постучала.

— Бабушка, извините, что беспокою вас так поздно ночью... это я....

Тихо позвала Патреншина, и в ответ послышался несчастный голос.

— Что случилось в такой час?

— Ну... Дедушка неловко ласкает свою грудь и хочет увидеть вас. Можете ли вы спуститься на первый этаж и посмотреть?

Не в силах игнорировать сказанное, старуха вскочила в пижаме и открыла дверь. Она недовольно цокнула, когда увидела девочку.

— Ёмаё. Впустить служанку в дом в такой поздний час... Веди давай.

С отвращением сказала старуха, уговаривая Патреншину идти впереди. Похоже, она думала, что девочку послал сюда её муж. Это вполне устраивало старуху, поэтому Патреншина не

стала ничего более говорить и повела её к лестнице, ведущей со второго этажа.

— Ну же, подставь мне плечо. Тупорылая девка.

У старухи были слабые ноги, и она надменно потребовала от девочки помощи, чтобы спуститься по лестнице. Патреншина с улыбкой кивнула, взяла её за левую руку и медленно начала спускаться.

— Ой, пожалуйста, подождите...

Она внезапно остановилась на полпути. Не обращая внимания на хмурую старуху, Патреншина сделала шаг назад и встала позади неё.

— В самый раз.

Ловко приспособившись к разнице в росте, Патреншина использовала нож, который она спрятала, чтобы перерезать шею старой бабки. Прикрыв ей рот, прежде чем она успела закричать, она также нанесла удар между рёбер. Эта техника, используемая для убийства скота, оказалась эффективной, и вскоре старуха перестала сопротивляться.

— Я вроде переоделась, но снова испачкалась.

Недовольно сказала девочка, после того как сложила ■ бабку на лестнице. Используя лезвие, она неизбежно будет испачкана кровью. Глядя на её руки и грудь, окрасившиеся в красный цвет, Патреншина криво улыбнулась.

— Хорошо. Дальше уже проще.

Убрав нож, она вернулась на второй этаж, достала арбалет из комнаты старшей дочери и направилась в комнату пары средних лет, оставшиеся последними в доме.

— Ааа... да?

Раздражающий звук стуков в дверь нескольких человек заглушил утреннее карканье птиц, выводя человека из сна.

— Эй, откройте! Есть там кто-нибудь?

Кто-то снаружи агрессивно кричал. Человек, лежавший на столе, сел, почесал голову, которая

болела от похмелья, а затем направился ко входу в хижину. Он отпёр и открыл дверь, затем увидел своих соседей, стоящих снаружи с серьёзными лицами.

— Что такое!? Почему так много людей собралось снаружи?

Смущенно спросил он, и человек, возглавлявший группу, строго посмотрел на него и спросил.

— Рукатога, где ты был вчера вечером и чем занимался?

— Что я делал!? Пил пиво с двумя младшими братьями...

Человек по имени Рукатога обернулся и наконец понял, что что-то не так.

— А, я один тут? Куда делись эти двое?

Его братья, которые пили с ним, пропали без вести. Лицо человека перед ним побледнело, и он ответил, нахмурившись.

— Они снаружи... оба мертвы.

— А? О чём таком вы говорите?

— Ты правда не знаешь... или просто притворяешься невиновным?

— Нет же. Я не понимаю, о чём вы говорите! Что случилось?

— Бойня случилась. За исключением тебя, вся твоя семья мертва.

Содержание было слишком абсурдным, чтобы понять его буквально. Рукатога в шоке широко открыл рот, а сосед сердито продолжил.

— Сурака, Куджиму, Серуте и Кумуру... мы нашли их тела в доме. Одним перерезали горло лезвием, другим прострелили голову арбалетом. Только ребёнок из прислуги выжил. У неё серьёзная рана на спине.

— Да вы шутите...

Рукатога в недоумении отшутился, посчитав всё это злой шуткой. Однако, когда он повернулся в том направлении, куда смотрела группа, его надежда была разбита.

— Харуши? Эй... чего ты там разлёгся!? Харуши!

Он прорвался сквозь толпу и бросился к младшему брату. Толпа холодно посмотрела на него, а затем отвела глаза.

— Мы хотим кое-что проверить, поэтому обыщем хижину.

Это звучало больше как требование, нежели просьба. Группа вошла в хижину, когда Рукатога с пустым лицом держал труп своего брата. Через несколько секунд раздались крики, и из хижины выскочил мужчина.

— Рукатога, что это?

В руке того человека был большой арбалет. Он поднял оружие и продолжил.

— Это ведь арбалет Табуры? Я охотился с ним раньше, поэтому точно знаю. Почему он у тебя?

— А!? Да откуда я чёрт возьми знаю! Зачем он мне вообще...

Рукатога растерянно качал головой. Затем из хижины вышел ещё один мужчина.

— А при виде этого кровавого ножа будешь также оправдываться?»

В его руке было лезвие, залитое темно-красной жидкостью. Увидев этот нож, Рукатога наконец понял, в какой ситуации он оказался, и рефлекторно закричал.

— Нет! Нет! Это был не я!

— Бедненькая. Ты, должно быть, так напугана...

Через несколько часов после происшествия. В доме на некотором расстоянии от места трагедии жители перевязывали девочке рану.

— Я слышала, что сказал мой муж после того, как осмотрел место. Кто бы мог подумать, что их третий сын сойдет с ума. Я знаю, что он часто выпивал и баловался, но даже так...

Патреншина молчала, слушая их разговор. Всё было так, как она и задумывала. Она хотела найти козла отпущения как можно более естественным образом, поэтому, очевидно, её выбор

пал на человека с сомнительной репутацией.

— Этот парень... он всё ещё утверждает, что этого не делал, и что его подставили. Он не мог придумать более лучшего оправдания? В самом деле... всерьёз верит, что 12-я девочка смогла убить нескольких взрослых за одну ночь?

Её возраст сделал третьего сына куда большим подозреваемым. Умение убить всю семью за одну ночь не соответствовало впечатлению, которое производила эта маленькая девочка. Кроме того, у неё была серьезная травма на спине, поэтому для посторонних, она больше была похожа на жертву.

— Рана неглубокая, поэтому поправишься, если отдохнешь. Лучше поспи пока.

Патреншина слабо улыбнулась и смотрела за тем, как добродушные женщины выходят из комнаты. Её жалкое лицо было далеко от её истинной натуры, но ей не нужно было менять личность, чтобы на какое-то время притвориться.

— Фуфу!

Когда присутствие по ту сторону стены растворилось, она засмеялась, легла в кровать и посмотрела на проделанную работу.

Разобравшись со всеми в доме, Патреншина начала уничтожать улики. Сначала она позаботилась о следах ног. Тут проблем не было, поскольку и не было пятен крови на полу. Несмотря на то, что следов от ног не должно было быть, она на всякий случай вытерла всё тряпкой.

— Ох, но перед этим...

Она сняла пропитанную кровью одежду и переоделась в старую детскую одежду, найденную в комнате третьей дочери. Она уже трижды переоделась. Позже она планировала разрезать на части предыдущую одежду и закопать её снаружи. Было бы неестественно, если бы её новая одежда была слишком чистой, поэтому она само собой испачкала себя грязью. Было неприятно, но она вытащила тетю Куруму, которую ■ в самом начале и которую запихнула под энгаву, и передела её в новую одежду. Было бы странно, если бы она была единственной, кто раздета догола.

Выполнив всё это, Патреншина направилась в хижину, выманила оставшихся людей, кроме третьего сына, и ■ с ними с арбалетом, атакая со спины. Патреншина с самого начала планировала оставить в живых одного человека, поэтому её ■ была совершенна. Затем она поработала над тем, чтобы заставить духов замолчать.

Начиная с последнего человека, которого она ■, она собрала всех духов в доме. Ей лишь оставалось пригрозить им, и ради спасения своих владельцев, они сделают всё что угодно. Именно по этой причине она собирала духов с трупов.

Позже она закопала собранные камни душ снаружи. Единственной проблемой оказался двух света дяди Табуры, который находился вместе с ним в колодце. Она опустила ведро, чтобы вытащить духа, и заставила его отдать свой камень души в обмен на спасение своего хозяина. Она убедила духа, несмотря на то что его хозяин был уже ■. В любом случае, она спрятала камни там, где их не легко не найдут.

После всего этого Патреншина снова пошла в хижину. Стараясь не разбудить храпящего третьего сына, она положила орудия, которыми пользовалась, рядом с ним.

— Так... остался последний шаг.

Вернувшись в дом, она взяла с кухни нож и верёвку, а потом вышла на улицу. Она привязала нож горизонтально к ветке на нужной высоте, и закрепить его там стало последней проблемой. После почти 30 минут попыток она получила удовлетворительный результат.

— Эх... будет больно.

Её короткая фраза предназначалась для истинного владельца этого тела, но Патреншина не колебалась. Она приставила к спине кончик ножа, отрегулировала угол, а затем резко оттолкнулась от земли обеими ногами.

— Фуфуфу...

Нож порезал её от спины до лопатки, но сейчас на эту рану наложили компресс. Патреншина вонзила нож глубоко и остановилась лишь тогда, когда глубокая рана могла стать смертельной. Вспоминая об ощущении, как по её спине катится кровь, Патреншина удовлетворительно закрыла глаза.

— Рада, что такая отвратительная семья сгинула...

Сказала она, а затем замолчала. Спустя десять минут девочка открыла глаза. Её взгляд был потерянным, и совсем не таким, как недавно.

— А? Эмм... это место...

Она нервно огляделась. Боль в спине напоминала о себе... ощущение ■ всё ещё было свежо в руках, а ■ стоны задержались в её ушах. Все эти воспоминания вспыхнули в её голове и резко исчезли.

— Ааа. Понятно. Патреншина...

Подумала девочка и с облегчением вздохнула, ведь она знала... она не сделала ничего плохо. Хотя произошло много ужасных вещей.

— Бу-дем рабо-тать... рук не поклада-я... мы уж позаботимся... сделать всё как на-до!

Столица Республики Киоки - Норандот. В здание Парламента, расположенный в самом центре столицы в кабинете премьер-министра.

Премьер-министр Арио Кьякуши напевал детскую песню, которая была неуместна, когда он просматривал некоторые документы. Его рабочее отношение, естественно, привлекло презрительный взгляд его секретарши, находившейся в той же комнате.

— Не могли бы вы удержаться от песенок!? Ваша работа, кажется, идёт гладко, премьер-министр.

— Ой, извини. Я просто вспомнил одну чудесную встречу.

Мужчина извинился, но это не звучало так, как будто он в самом деле это сделал. Лучшим доказательством стали его следующие слова.

— Какая ностальгия. Всё началось с дела об убийстве. Третий сын богатого фермерского дома вырезал всю свою семью. В то время я был чиновником низкого уровня в местном отделении и как-то решил посмотреть на всё, так как случайно оказался поблизости.

Секретарша смирилась со своей судьбой и выслушивала рассказы премьер-министра о прошлом. Как только он начинает, его уже не остановить.

— На месте преступления я сразу почувствовал, что здесь орудовало “чудовище”. За одну ночь в доме произошло четырнадцать убийств, а следов борьбы практически не было. Убийца действовал быстро и без колебаний. Его явно ничего не смущало.

Руки секретарши, разбирающей документы, постепенно останавливались. Для простого разговора во время затишья на работе, такая тема была слишком взбудораживающей.

— Это было опрометчиво с моей стороны, но я заинтересовался убийцей после произошедшего. Услышав, что преступник пойман, я сразу же его навестил. Одного взгляда на него было достаточно, и я подумал: “это не он”. Неприглядное поведение посредственного третьего сына не соответствовало тому необычному подходу убийцы.

Было непонятно, знал ли премьер, что чувствует его слушатель, но он всё сильнее и сильнее возбуждался. Даже секретарша, которая нехотя слушала рассказ, визуализировала сцену из прошлого.

— Во время встречи он кричал: “меня подставили!”. Ему не нужно было мне этого говорить. Я немедленно покинул его и навел на единственную выжившую той резни. Девочку, которая была служанкой в доме...

К тому времени я был уверен в правде, - сказал Арио.

Я так и думала, - кивнула секретарша. Что касается раскрытия талантов, этот человек обладал сверхчеловеческим интеллектом и чувствительностью.

— Когда я её встретил, девочка была очень послушной. Её невинность и доброта были шокирующими, как будто весь отрицательный аспект её личности был удален. Это было настолько естественно, что у меня побежали мурашки по коже. После небольшой беседы я посмотрел на неё и сказал: “Должно быть, тяжело убить 14 человек за одну ночь, верно!?”

Секретарша легко могла представить его реакцию. Если его что-то заинтересует, то он даже готов сунуть руку в логово зверя. Даже если ему оторвут руку, он всё равно будет улыбаться. Этот политик всегда производил необыкновенное впечатление.

— Никогда не догадаешься, какую перемену она мне показала в тот момент. Раскрыл её истинную натуру? Обнажил тёмную сторону? Нет! “Передо мной появился совершенно другой человек”. Глаза как у хищника, а лицо как у убийцы, который только и думал о том, как меня убить, а тело спрятать.

— ...

— Это ужасающая аура было огромным контрастом с покладистой и доброй девочкой, что была там минуту назад. Это заворожило меня, как чудо. В одном теле находились такие противоречивые личности. Это тронуло меня до слёз, это была любовь с первого взгляда. Когда я это понял, я уже начал ухаживать за ней.

Раздался звон скрежета металла друг о друга. Премьер-министр схватил несколько колец-пазлов и стал с энтузиазмом ими играть.

— Я поселил девочку недалеко от себя и продолжил наблюдать за ней, медленно понимая “их”. Я пришёл к нескольким предположениям. Во-первых, доброта Харомы не наиграна, это всё чистая правда. Гнев, ненависть и намерение причинить боль другим - всё эти негативные черты взяла на себя Патреншина, оставляя добрую Харому людям. Из-за этого её не беспокоили убийства и предательства других, так как всем этим занималась Патреншина. Независимо от того, какие чудовищные поступки она сделала, Харома не чувствовала никакой вины. И тут дело не в том, что она не желает взять ответственность, а в том, что попросту не

может этого сделать. Я ошибся в самом начале. Всё-таки их воспоминания не раздельны. То, что знает Патреншина, знает и Харома, и обратное тоже верно. Однако всякий раз, когда Патреншина берет на себя управление, все её воспоминания превращаются в историю, которая кажется Хароме нереальной... словно детская сказка об озорной девочке. Я считаю, что это крайняя форма самообмана, и это великолепное качество для шпиона, который должен быть гибок и уметь играть разные роли в зависимости от ситуации. Поэтому я без промедлений передал “их” Призракам.

По спине секретарши пробежал холодок. Металлические кольца со звоном разделились. Затем премьер-министр снова собрал распутанные кольца-головоломки. Они были переплетены вместе, но не могли слиться или разделиться как эти кольца. Такое состояние было наиболее естественным для “них”.

— Ты знаешь как это происходит. Поскольку она была обучена методам шпионажа, в неё был установлен спусковой механизм, позволяющий менять личность при необходимости. И вот так, они стали законченным продуктом. Девушка с двумя душами выросла под присмотром Теней, и теперь она угрожает Империи как самый зловещий Призрак.

Арио улыбнулся секретарю, которая не смогла сдержать дрожи. Видеть чудесную игру раскрытого им таланта всегда приносило ему огромную радость. То же самое было с Сияющим Бессонным Генералом и Великой Матерью Белых Крыльев. Для этого человека они были незаменимыми шедеврами.

— Веселись, Патреншина. И не волнуйся, Харома... и в этот раз, ты не сделаешь ничего плохого.

Отступив в горы с войском под её командованием, Императрица подумала, что что-то неладно.

Это зловещее чувство возникло ещё с того момента, как Мэттью и секретная разведка не смогли раскрыть заговор. Великий побег преданных, сражение при преследовании верующих в горах, и, что хуже всего, люди Киоки у подножия горы на территории Империи. Она пришла к выводу, что эти солдаты, вероятно, сбежали из лагеря для военнопленных, но время для всего этого, не могло быть простым совпадением.

Очевидно, что Киока и Ра-Саи-Альдерамин работали тайно. Но всё это не может быть реализовано несколькими агентами. При независимом рассмотрении действия преданных и побег из тюрьмы выглядели правдоподобными событиями. Однако нынешняя ситуация была бы невозможной, если бы эти события не произошли в одно и то же время.

- Имперские силы в горах могут подвергнуться атаке в клещи с обоих фронтов.

Она еще не знала, как обстоят дела на передовой у Мэттью, поэтому не осознавала всей

ситуации. Но что, если им придётся отступить? Ситуация всё ухудшается и войско, которое должно оказывать поддержку с тыла, со временем не сможет тратить сил на это.

Но она была уверена, что преодолеет этот худший сценарий. На самом деле, её это даже не беспокоило. Сейчас, то что её пугало, так это кошмарно удобное положение агента, который смог понять внутреннюю работу имперских сил и осуществил замыслы своей родной страны.

- Рядом со мной шпион?

Судя по её выводам из ситуации, эта идея всплыла на поверхность. Проблема заключалась в том, кто был предателем?

Судя по утечке информации, это кто-то из старших офицеров или выше. Судя по тому, насколько тяжелой была ситуация, предательство нельзя объяснить низкоуровневым персоналом.

Подумав об этом, у Шамию пробежал холодок по спине. Учитывая все детали... даже если это всего лишь предположение...

Если подумать, что рядом с ней сейчас шпион, тогда всё сходится...

— Ваше Величество, берегитесь!

Внезапное предупреждение нарушило ход её мыслей. В следующий момент перед глазами Императрицы брызнула кровь.

— Кхаа...

Человек, заблокировавший удар, застонал от боли. Брызги крови на её лице заставили Шамию понять ситуацию. Харо, взяла на себя предназначенную для неё пулю.

— На склоне справа! Защитите Её Величество!

Харо не поддалась боли и раздала инструкции. В том направлении, куда она указала, был стрелок, и солдаты вокруг неё поспешно открыли ответный огонь. Им и не снилось, что враг уже был так близко.

— Медиков сюда! Харо, держись! Сейчас я тебя перевяжу...

— П-пожалуйста, не волнуйтесь, Ваше Величество. Глядите, пуля попала в плечо, к тому же рана не глубокая. Нужно просто её достать, продезинфицировать рану и перевязать...

— Это предназначалось для меня! А вдруг она отравлена? Быстрее ложись!

Шамию с пугающим лицом посмотрела на Харо, которой оказывали медицинское лечение. С другой стороны, уверенная в том, что сомнения Императрицы против неё развеялись, девушка с лицом Харо – Патреншина, жалостливо улыбнулась.

- Как и планировалось.

Правильно, это всё было частью её замыслов. Она аккуратно и неправильно направила эскорт, чтобы создать брешь в защите, а затем позволила её сообщнику выстрелить в себя. Сейчас она даже улучшила своё положение, когда защитила Императрицу.

- Фуфуфу.

И само собой, пуля не была отравлена. Да даже давления в винтовке во время выстрела было снижено, чтобы обезопасить Патренину от серьёзных травм. Однако одно неверное движение, и она могла получить пулю в лоб, поэтому непостижимо, как кто-то может нанести себе травму.

— Со мной всё будет в порядке. Ваше Величество, пожалуйста, сосредоточьтесь на своей безопасности.

Патреншина изобразила решительное выражение лица и произнесла фразу, наполненную духом преданности. “Верно, будет проблематично, если она будет не в хорошем здравии”. Она ведь знакома с Патрениной и является одной из незаменимых героинь, подготавливаемых Арио Кьякуши.

Этот премьер-министр не хотел, чтобы Империя потеряла своего правителя и погрузилась в хаос на данном этапе. Если они обратно вернутся в эпоху раздоров, то их земля будет опустошена, а богатство, которое они получают, когда завоюют Империю, резко снизятся. Таким образом, Империи требуется поддерживать минимальный порядок, в то время как Республика будет постепенно поглощать землю и людей Империи, которыми они уже не могут управлять. Это был метод запланированный победы, на который опирался Арио.

- Если честно, удивлена, что ты пришла сюда лично.

Нынешних их план преследует три основные цели. Помочь преданным с их священным долгом, вернуть Элулуфай и остальных, а также нанести тяжёлый удар по имперской армии. Убийство или похищение Императрицы не входило в план, и присутствие Шамию оказалось неожиданностью.

- Но не беспокойся, я тебя защищу.

План был выполнен на 90%. Патреншине нужно было быть осторожней, чтобы не переусердствовать, и остаться с Императрицей, чтобы суметь её защитить. По иронии судьбы, этот долг исполняла также и Харо. Подозрения в её предательстве на какое-то время развеяны, и это не повлияет на будущие операции. Однако...

- Вот только про других такого же не скажешь.

В её голове возникли фигуры Мэттью, Торвэя и остальных, которые, вероятно, отступали с передовой. Для неё было бы удобнее, если бы они вдвоём выжили, но даже в противном случае, она не будет чувствовать вины. Мельчайшие черты доброты находились лишь Харо, и она никогда ими не обладала.

- Фуфуфуфу!

Патреншина - это злой идол, рождённый от восхищения одной девочки, которая не могла быть плохой.

Её натура сделала Патреншину ещё более непостижимой садисткой. Даже Арио Кьякуши не мог полностью её обуздать.

Она была свободна к буйствам и была совершенно беспощадным подонком.

Обретя форму из желаний другого человека, она резвилась на поле битвы, словно бегала по полю, усыпанному цветами.

- Бу-дем рабо-тать... рук не поклада-я... мы уж позаботимся... сделать всё как на-до!

Эхом отозвалась детская песня. В ней описывалось её великолепное представление, а также нотки чего-то зловещего.

— Мда, какая упрямая.

В столице Империи Банхатал далеко на юге, вдали от накалов войны, опустошающих горы Великой Альфатры. В этот день во дворце, возведенном в центре столицы, происходила необычная сцена. Перед лицом этой сложной ситуации капитан Луканти скрестила руки в глубоком раздумье.

— Н-нет! Я знаю, что у вас нет злых намерений. О-однако...

То, как она заикалась, совсем не было на неё похоже. С самого начала она не могла продемонстрировать свой резкий и решительный характер против человека, который пытался её убедить. Сколько уже раз эта женщина-рыцарь сморщила свои брови?

— Её Величество поручило мне миссию – никого не пропускать во время Её отсутствия.

Так как это было указом Императрицы, ей не нужно было ни о чём беспокоиться. Луканти Халгунзка была рыцарем, поклявшимся в верности Императрице. Ей нужно было лишь выполнять свои обязанности в меру своих способностей. В случае необходимости она была готова отдать свою жизнь.

— И это твоё отношение к этому человеку? Я начинаю беспокоиться.

Когда ей напомнили о человеке, который возложил на неё эту обязанность, она не смогла относиться к проблеме так же просто, как раньше. Рыцари должны идти по пути праведности, но они далеко не роботы. Сейчас она была более свободной в своём образе жизни, чем раньше.

— Да, поняла я, поняла! Я вас пропущу!

До самого конца сражаясь, Луканти раздвинула руки в знак капитуляции и сказала, надувшись.

— Но знайте, когда Её Величество придёт за моей головой, я потяну вас за собой.

Даже во дворце гарем молчал, не зависимо от того был день или ночь.

Никто не хотел рисковать своей шеей из-за бессмысленного любопытства. Императрица занимала трон более двух лет, а наложниц, живших здесь, уже давно не осталось. Шамию Китра Катванманиник охраняла гарем как своё самое большое сокровище.

Сейчас там жил всего один парень. Для Шамию он был бременем и наказанием, а также был её любовью. Сегодня, как и всегда, он оставался в комнате, выходящей во внутренний двор, и снова проводил время в тишине.

— ...

Любой, кто знал этого парня... при виде на это зрелище, сказал бы, что видит остатки некого прошлого.

Ничего не осталось. Ни единой из бесконечных шуток, которые он вставлял по поводу и без, ни его тёмных глаз, наполненных противоречивыми эмоциями и недюжинным умом. Всё, что делало его таким, каким он был, исчезло. Осталась лишь полая человеческая оболочка, напоминающая о том, кем он когда-то был.

Из этого можно было почерпнуть только одно – потеря. Этот парень потерял слишком много.

— Простите за вторжение, командир полка.

В этот момент сильный голос нарушил покой, который безоговорочно был на том же уровне, что и на кладбище.

— Я впервые в гареме, но никогда бы не подумал, что он будет таким угрюмым. Был бы я на твоём месте, то заполнил бы его любовницами.

Весьма беспечно сказал Кубала Саба, который занимал пост начальника штаба полка восходящего солнца. Он подошёл прямо к парню, с которым имел дело, и забрал его, не оставив места для переговоров.

— Хорошо... пойдём прогуляемся... А? Что это у тебя в руке?

Парень никак не отреагировал. В руках он держал короткий меч, покрытый тканью. Генерал Саба мудро кивнул.

— Это её меч? Видимо, он очень для тебя дорог. Давай надёжно закрепим его на талии.

Закрепив меч и взяв с собой его напарника, Кусу, Саба понёс парня на спине.

— Пойдём, Икта. Погода сегодня отличная.

После выхода из гарема стало ясно, что под “прогулкой” подразумевал Саба. Они вдвоём проехали экипажем через столицу, а затем направились на севере. Было ясно, что им предстоит долгое путешествие.

В отличие от молчаливого парня, не показывающего эмоций, Саба говорил без остановки. Он высказывал своё мнение о пейзажах за окном кареты, о памятных временах, когда он работал под руководством Бады. Также упомянул, что... нынешняя Императрица путешествует по стране больше, чем он.

Время шло, а ответов так и не было, и вот карета достигла пункта назначения. Саба закинул парня на спину и встретился взглядом с красноволосям мужчиной, стоящим поблизости.

— Заставил вас ждать, Маршал?

— Нет. Ты как раз вовремя.

Сказал почётный мужчина средних лет с двумя лезвиями на поясе жёстким, похожим на железо тембром. Это был Сольвенарес Игсем. Он посмотрел на лес позади них и сказал без всяких изменений на лице.

— Дорога впереди будет тяжёлой.

— Похоже на то. Мы ведь отправляемся в поход.

Генерал Саба оценил тихий лес перед ним. Он встряхнул плечи, чтобы разогреться, с парнем на спине, и не беспокоился о плохой местности. Почётный Маршал Игсем добавил.

— Дорога займёт 40 минут. Не хочу, чтобы ты взвалил всю ношу этой поездки на себя...

Сказал генерал с красными волосами, повернувшись к ним спиной. Он поставил колено на землю и заложил руки за спину, готовый принять человека. Поняв его намерения, генерал Саба удивился.

— Как никак, это моя ответственность, как присматривающего за ним. С этого момента я его понесу.

Его видение было тёмно-серым. Свет был тусклым, а звук приглушенным, словно его голова была покрыта толстым одеялом.

Глаза, уши, нос, язык, все мускулы его тела... все его чувства были отрезаны от мира. Он пожелал пустоты и погрузился во тьму. Этого было достаточно. Во внешнем мире его больше ничего не интересовало.

Однако... если всё было так, то что сейчас происходит?

Когда он понял это, его трясло на широкой спине. Это было единственное, что он чувствовал своим смутным сознанием.

Было весьма неудобно, и он испытывал досаду и беспокойство.

Он перебрал воспоминания и не вспомнил, чтобы когда-либо просил его отца его нести. Он

всегда просил об этом свою мать, так как его упрямство не позволяло обратиться с этим к отцу. Этот мужчина является стеной, которую он однажды преодолевает, и этим мальчик воспитал в себе детское соперничество.

Однако отец всё же носил его на спине, но только тогда, когда другого выбора действительно не было. Например, когда он вывихнул лодыжку... от этого он тогда почувствовал досаду. Он показал слабость человеку, которого хотел превзойти, и положился на него. Его расстраивало чувство беспомощности.

— Какой лёгкий...

Внезапно голос стал отличаться от голоса его отца. Через плечо мужчины раздался более жесткий и неуклюжий голос.

Какой лёгкий. Два коротких слова и ничего лишнего.

По какой-то причине мужчина понял. Понял, сколько слов появилось и исчезло в его сознании.

Ты хорошо питался?, - хотел спросить мужчина, переживая за сына своего старого друга.

Твои товарищи беспокоятся за тебя, - хотел он напомнить ему как старший.

Но факт был в том, что этот человек никогда не произнесёт ни одного такого предложения. Он понимал, что не имел на это права. Этот человек всегда был солдатом, защищавшим свою нацию. Поддерживал порядок среди людей и не давал миру погрузиться в хаос. Однако это стало его фатальным качеством в роли взрослого, который должен защищать детей.

Он даже не защитил своего собственного ребёнка. При жизни этому человеку пришлось поставить многое для страны. По сравнению с абсолютным весом защиты нации, всё остальное будет принесено в жертву как мелочи.

Невыполненные обещания. Не выплаченный дружеский долг. Жизнь этого человека была построена на бесчисленных трупах и сожалениях.

Или можно сказать... его подтолкнули к этому.

Времени оставалось не так много. Человек и страна, которую он будет защищать до победного конца, сгинут в ближайшем будущем.

Оглядываясь назад, можно сказать, что их позиции были слишком похожи.

Оба они были неудачниками, которые не смогли защитить своих близких.

Пройдя по небольшой тропинке в лесу, их приветствовало грубое каменное здание, которое выглядело громоздко и неуместно.

— Здравствуйте. Добро пожаловать.

Когда они подошли к двери, мужчина средних лет, который, казалось, был хозяином дома, появился с приятной улыбкой, чтобы встретить их. Маршал Игсем поклонился и вошёл с парнем на спине. Генерал Саба внимательно следил за ним.

— Вы, наверное, устали. Место то неудобное для путешествий.

Проводит их троих в гостиную, он подал им чай со льдом. Когда они утолили жажду, мужчина посмотрел на парня, который ни к чему не притронулся, и спросил.

— Это молодой человек Генерала Бады?

Маршал Игсем тихо кивнул. Мужчина ласково улыбнулся со смешанными чувствами.

— Понятно. Рад встречи с тобой. В самом деле рад.

Больше ничего не говоря, ощущая на себе тяжесть прошедшего времени, они медленно допили чай.

— Защита этого места до сегодняшнего дня... стоила того.

После короткой передышки всех троих провели в глубь особняка. Мужчины и женщины, которых они встречали в коридоре, приветствовали их, и Саба заметил кое-что, когда он им отвечал. Они не были слугами в особняке, а были бывшими военными.

— Я думал, что никто больше не приедет. Я был в отчаянии, представляя, что это место будет похоронено в тени истории.

То, как владелец эмоционально рассказывал, показало, что была причина, по которой этот особняк был построен именно здесь. Маршал уже объяснял это ранее, но для генерала Сабы это был первый визит сюда. Он подумал о том, что ждёт впереди, когда украдкой взглянул на парня на спине у генерала с красными волосами.

— Вот эта комната. Пожалуйста, входите.

Когда замки были открыты, двойные двери открылись для троих посетителей. Маршал Игсем с парнем и генерал Саба, последовали за человеком, затаив дыхание.

— Ах...

Саба испуганно вздохнул, осматривая комнату. От этого места, которое со временем должно было быть потеряно, повеяло ностальгией, и мужчина задрожал.

— Это то, чем он пользовался?

Компас, арбалет, карманные часы... на тумбочке и на столе аккуратно были выставлены множество реликвий. Один из “Драгоценных Близнецов Солнца” с дрожащими глазами посмотрел на предметы, в которых явно ощущалось присутствие Бады Санкрея.

— Хорошо сохранилась, не правда ли? Мы никогда не забывали о них ухаживать.

Хозяин особняка гордо улыбнулся, сказав это, и Саба глубоко кивнул с благодарностью. Никто об этом не упомянул, но то, что эти предметы сохранились, было настоящим чудом. Но какова бы ни была правда, это были вещи военного преступника. Никто не ожидал, что их будут так надёжно хранить, и никто бы не удивился, если бы их сразу тогда бросили в печь.

Предметы остались невредимыми лишь потому, что кое-кто не хотел им такой судьбы. Пережив ад, в котором он оказался, пожертвовав своих старым другом, красноволосый генерал сделал всё, что мог, чтобы создать и сохранить это место. Даже генерал Саба, который был ближайшим помощником покойного Бады, не мог полностью понять того, что чувствовал Сольвенарес.

— Ладно, на этом я прощаюсь. А вы, пожалуйста, не торопитесь.

Увидев, что это подходящий момент, хозяин поклонился и вышел из комнаты. Его присутствие растворилось вдалеке после того, как он закрыл дверь, оставив троих людей с тесными связями наедине. Сольвенарес Игсем медленно сказал.

— Я привел тебя сюда потому...

Сказал он, усаживая парня на старый стул, который тоже был одной из реликвий. Перед ним был прямоугольный предмет, покрытый тканью, высотой около 50 см, шириной 80 см и толщиной менее 5 см. Этот объект бросал тень на чёрные зрачки парня.

— Что хочу, чтобы ты это увидел.

С этими словами Сольвенарес медленно снял покрывало.

В тот момент, когда он увидел это, расплывчатое зрение парня сильно дрогнуло.

— А...

Яркие и живые краски наполнили его тусклый и серый мир.

Картина в деревянной раме не отличалась уникальной техникой. Там были простые мазки, которые можно было увидеть, где угодно, и композиция, которая никого не удивляла. Однако сильные чувства художника были на лицо. Каждый мазок и оттенок выполнялись правильно, не срезая углы. Можно даже сказать, что он через чур старался.

— Аа, ааа...

В картине посредственного, но страстного художника было всё, что он потерял.

Юка Санкрей улыбалась. Уголки её изысканных губ были слегка приподняты, и она выглядела такой же хрупкой, как и при жизни.

Бада Санкрей тоже улыбался. Он стоял рядом со своей любимой женой, смакуя испытываемое им счастье.

А дальше... перед стройной парой бок о бок стояли мальчик и девочка.

Темноволосый мальчик высокомерно приподнимал грудь, наслаждаясь родительской любовью.

А девочка с красными волосами стояла в стойке рядом с мальчиком.

— Ааааа!

Держа раму картины обеими дрожащими руками, Икта Солорк дико завопил.

Сцена из его прошлого была прямо внутри этой картины. Он хотел всё это защитить, но не смог.

Он так скучал по родному городу, что это разрывало ему грудь. Слезы, которые должны были высохнуть два года назад, покатались по его щекам. Счастливые времена, которые навсегда прошли, поразили сердце парня, который жил в полностью изменившемся настоящем.

Раньше сомнений не было. Он из прошлого глубоко верил, что эта сцена будет длиться вечно. Он был уверен, что сможет защитить всех, чтобы ни случилось. Он был уверен, что если она будет рядом с ним, то ему море будет по колено.

Но он всё потерял. Его отец умер в недоступном для него месте... мать скончалась у него на глазах... а девочка умерла прямо у него на руках. Он сделал всё, что мог, но жизни, которые он хотел защитить, ускользнули из его пальцев.

А потом он остался совсем один. Он стал считать, что мёртвым, потеряв стремление к жизни.

Единственное, чего он не понимал... почему он всё ещё дышит?

— Эта картинка называется “Семейный портрет”. Он нарисовал её, когда моя дочь посетила вас.

Когда плач утих, вместо тишины послышался голос Сольвенареса. В его словах не было той стальной решимости, которую он обычно показывал.

— Включая эту картину, все эти вещи Бады, ты отказался принимать в прошлом. Тогда ты сказал: “Не желаю знать человека, который предпочёл защищать свою страну, а не свою семью”.

— ...

— Будучи его сыном, не удивительно, что ты так думаешь. Как человек, ставший причиной его окончательной кончины, я не имею права ничего говорить. За исключением одной вещи, которую я должен тебе рассказать. Выбор Бады был другим.

Его багровые глаза показывали, что всё, что происходило до сегодняшнего дня, было сделано для того, чтобы передать эту мысль.

— Тогда, чтобы отразить грандиозное вторжение армии Киоки, либо Баде, либо мне нужно было вступить с ними в бой. Однако указ запрещал нам мобилизацию, и тот, кому придётся нарушить его, был готов к осуждению за военное преступление.

Сказал Сольвенарес. Темноволосый парень намеренно не спрашивал правду о смерти своего отца.

— Тогда я радостно подумал, что пришло моё время встретить смерть. Я полностью доверял Баде и думал о нём как о единственном кандидате, который возьмёт на себя бразды правления Имперской армией после того, как Игсем уйдет с главной сцены. Но, оглядываясь назад, я понимаю, что это мышление проистекает из моей собственной слабости. Я признаю, что глубоко внутри я был на пределе своих возможностей, видя извращенное существование

Империи в течение такого длительного периода времени. Я искал кандидата, который возьмёт на себя тяжёлое бремя Игсем, и увидел потенциал в твоём отце. Я по глупости возложил на него такие надежды.

Каждое его слово сочилось упреком к себе. Генерал Саба сглотнул.

— Как ты знаешь, у Бады не было каких-то грандиозных амбиций, и он призвался не добровольно. С точки зрения посторонних его стремительный взлет по служебной лестнице выглядел потрясающе, однако он думал об этом как о результате выживания в многочисленных ситуациях после того, как его бросили на передовую. Ты наверняка знаком с подобными случаями. Несмотря на это или скорее из-за этого, он был более ослепительным, чем кто-либо на поле боя. Его аналитическое мастерство с уникальной точкой зрения для сражений... воображение, предлагающее такие планы, которые никто даже бы и не рассматривал... и решимость, с которой он всё выполнял. Его командирская фигура завораживала, и меня она заинтересовала больше, чем кто-либо другой. Он был единственным в своём роде товарищем... и героем.

Вспоминая своё прошлое “я”, Сольвенарес болезненно признался.

— Тел видел в нём своего рода соперника, но не я. Всё было наоборот, я надеялся, что Бада сможет превзойти меня и подняться гораздо выше. Мне даже снилось, как он руководит будущей Империей. Верно, я не мог показывать этого открыто, но я хотел служить под началом твоего отца. Однако фракция Игсем, к которой я принадлежал, не могла этого допустить. Высшее командование осыпало Баду благодарностями, но при этом они остерегались его ценности, отличавшуюся от обычных офицеров. Они пытались приручить этот выдающийся талант, который мог бы быть революционером и послужил бы основой для страны. Игсем во мне согласился с этим планом.

Сказал мужчина холодным тоном. В этот момент, в его словах почувствовалось роковое противоречие.

— Единственный независимый оплот всех территорий в истории Империи – был известен, как “полк Восходящего Солнца”. Это был результат компромисса. Ему были предоставлены исключительные привилегии, но он был всего лишь командиром полка. “Мы предоставили вам столько особых привилегий, что вы должны быть счастливы”, - вот и всё. Это был предел военной карьеры Бады, и в прочем он не возражал. Тем, кого это совершенно не устраивало, был я. С одной стороны, я мечтал о революции, которую мог бы принести нам Бада, но в то же время я был Игсемом насквозь. Учитывая последствия, которые бы мои действия возымели в армии, я не мог прямо назвать его начальником. С обострением ситуации между Игсем и Ремион, как лидер одной из этих фракций, я не мог заставить совершенно другого человека взвалить на себя будущее следующего поколения. Кто знает, какой бы хаос постиг бы нас, если бы я поступил опрометчиво. Поэтому, я дождался подходящего шанса. Возможность сменить лидера Имперской армии с Игсем на Санкреев. В ситуации, когда у Империи не будет иного выбора, кроме как сделать это.

Его тоже подталкивало к обрыву. У Империи, которую он должен защищать, не было будущего,

о котором можно было бы говорить. Ничего не измениться, даже если он отложит неизбежное. Будучи опекуном Империи, это противоречие тяжело давило на него.

Никто не осознавал его беспокойства. Даже Бада, на которого он тайно возлагал свои надежды, не понимал чувств своего друга. Точнее ему не давали этого понять.

— И вот так, мы вернулись к началу. Когда Киока начала своё вторжение, либо Баде, либо мне нужно было нарушить указ. Я понял, что это мой шанс. Я был в предвкушении грядущей революции. Как только я потеряю свой статус, послушавшись указа, Баде придётся возглавить армию. Тел желал того же, поэтому я был уверен, что со сменой руководства Империя пойдёт в новом направлении. Но в итоге всё стало не тем, на что я надеялся... а всё из-за уловок коррумпированной знати. Я был готов принести себя в жертву, если бы это помогло Империи развиваться по-новому. Поэтому я рассказал Баде обо всём, и заявил, что вступлю в бой с армией Киоки. Я бы даже сказал, что был обязан это сделать.

Сольвенарес насмешливо улыбнулся, прикоснувшись пальцами руки к щеке.

— А потом Бада впервые ударил меня по лицу.

— Ты сдурел, Сол!?

За закрытыми дверями некой базы раздался голос. В отличие от красноволосого генерала, который не дрогнул от удара, Бада, не привыкший размахивать кулаками, вывихнул запястье.

— Да, я могу чётче и ловчее командовать войсками, но на этом всё. Сняв покровы, я стану обычным пожилым человеком средних лет, которого можно найти, где угодно, и единственное хобби которого - рисование, в котором я тоже нифига не понимаю. Я не справлюсь, если ты доверишь мне будущее страны.

Сольвенарес стоял неподвижно, решительно опровергая его слова своим молчанием. Он был уверен, что человек перед ним может спасти нацию. Бада покачал головой в ответ на упрямство своего друга.

— Послушай, Сол... Когда образ жизни страны заходит в тупик, иногда слышатся громкие голоса, предлагающие экстремистские взгляды. Этих людей можно назвать героями, если они убедили народ отказаться от старого истеблишмента и создать более крупную организацию. Что происходит после? Верно, если ему повезет, он сможет стать лидером, основавшим новую нацию.

— ...

— Однако на этом всё и закончиться. Эта нация просуществует одно поколение, прежде чем распадётся. А всё потому, что благодаря этому человеку, люди перестанут использовать свой мозг. Вот и всё.

Чёрные глаза Бады упрекали друга в его ошибке, поскольку он считал его себе равным.

— Оу, у этого парня всё получилось. Давайте оставим на него наши жизни. Мы ведь может ему безоговорочно доверять – это будет серьёзной проблемой, если никто не будет видеть в этом чего-то ненормального. А что касается будущего страны, то это ещё один способ отказаться мыслить.

— ...

— А знаешь почему, Сол? Потому что при любом виде правительства невозможно, чтобы один человек взял на себя ответственность за десятки тысяч мирных жителей. Страна управляется путём разделения ролей. Даже в случае монархии, когда есть диктатор, идёт разветвление.

Он просто констатировал очевидную истину. Нацией управляет не один человек, даже ребёнок это понимает. С другой стороны, люди часто об этом забывают. Вваливать судьбу страны на одного человека... многие люди не осознавали, что стремление к такому харизматическому лидерству уже само по себе предвзято и неправильно.

— Сол, скажи мне, как есть. Как долго, ещё сможет просуществовать Империя?

На этот вопрос Сольвенарес замолчал, подсчитывая оставшуюся продолжительность жизни нации.

— Не могу гарантировать ста лет. Если мы продолжим сокращать границы, то где-то, около 60 или 50 лет...

— Пятьдесят лет, да!? А ты подумай, каковы наши шансы продержаться против восходящей Киоки, обосновавшейся у наших границ? Ситуация будет не слишком сильно отличаться, когда Империя потеряет Игсем. Я не справлюсь даже из нынешнего положения, и всё просто будет перерасти в хаос. Киока будет медленно поглощать нас по мере того, как мы будем разделяться на фракции.

— ...

— В этом и состоит истинная суть твоего нелепого действия, которое ты пытаешься предпринять. Всё это время твоя семья несла это тяжёлое бремя. Тебе ли не знать, Сол!? Всё это время вы пытались решить эту проблему. Медленное делегирование ответственности, возложенной на Игсем, другим, менее вооружённым силами, и устранение чрезмерной зависимости нации от вооружённых сил. Это будущее, которое я вижу. Путь окольный и займёт

много времени, но на этом пути не потребуется никаких новых жертв. Опора на героя в спасении страны - безрассудная авантюра, которая обернётся ужасными последствиями, что бы ни случилось. Я не герой. Если я похож на одного из них, то это лишь потому, что ты и Тел всегда были рядом, поддерживая меня.

Закончил Бада со вздохом, а затем на его лице появилась боль.

— Обидно, но мои попытки не увенчались успехом. Поскольку я оказался в таком положении, то это означает, что я совершил роковую ошибку в своей политической борьбе против коррумпированной знати. Я не хочу, чтобы ты собой жертвовал, поэтому могу даже устроить переворот. Если ты к этому готов, то я могу серьёзно взяться за это.

Сольвенарес также посмотрел с болью в глазах, словно смотрел на себя в отражении. Это единственное, что он мог сделать. Будучи Игсемом, он не мог этого допустить. Даже если дойдёт дело до переворота... даже от самого отвратительного предательства страны, которую она защищал... он мог лишь умереть ради её изменения.

Пока он жив, он будет присматривать за нацией до самого конца. Это был пламенный долг, выжженный на его теле и душе.

Его хороший друг понимал это больше, чем остальные, и уважал его образ жизни. С учётом этого, он произнёс следующие жестокие слова.

— В любом случае, держа это в уме, я думаю, нам нужно продолжить защищать Империю. По крайней мере на данный момент. Пока мы не найдем другого лучшего варианта, кроме как сбросить всё на несуществующего героя. Если кто-то вроде меня создаст новую нацию благодаря воинскому мастерству, то история тысячелетней давности повторится. Эта нация исчезнет, как мыльный пузырь, и всё пойдёт по кругу.

— ...

— Здесь нет героев. И я не могу вынести неприглядного мнения о том, что мы полагаемся на нечто подобное. Учитывая всё сказанное, на что стоит обратить внимание и что мы будем делать, Сол?

Сказал Бада и схватил своего друга обеими руками за плечи, показывая, что они наконец достигли отправной точки своего спора.

— Либо ты, либо я поведём наши войска в бой с противником. Обидно, но этого не изменить. Будет большой проблемой, если мы оставим вторжение в покое, поэтому кому-то необходимо нарушить указ и мобилизовать войска.

Сольвенарес тяжело кивнул. Их выбор был ограничен.

— Само собой, игнорирование указа означает смертный приговор. Один из нас умрёт... после того, как отразит вторжение.

— ...

— Следовательно, кидаем жребий. Но перед этим, я хочу, чтобы ты меня выслушал. Скажу откровенно... есть у меня то, что я ставлю превыше 20 миллионов граждан. Это будущее моей жены и сына...

Услышав это, Сольвенарес вздохнул с облегчением. Он был рад, что избежал худшего сценария - вынудить своего друга выйти на поле битвы, а самому остаться единственным выжившим.

И потом Бада добавил... поэтому рассчитываю на тебя.

Несмотря на это, доверие Сола к Баде не пошатнулось. Он не изменил своего мнения о том, что человек перед ним может направить свою страну и семью в правильном направлении.

— Ты ведь уступишь мне в этот раз!?

Внезапный прямой отказ заставил Сольвенареса застыть на месте.

— Причина проста. Если тебя казнят как военного преступника, то фракцию Игсем уничтожат. Неприятно говорить, но этот лис почти добился своего и поставил нас в затруднительное положение. Думаю, когда придёт время... я не смогу спасти Ятори.

Услышав это, генерал с красными волосами почувствовал, что его ранили в сердце. Бада со вздохом опустил голову.

— Прости, Сол. Я не смог переубедить твою дочь. В течение этих трёх месяцев я делал всё возможное, чтобы её изменить, но эта девочка не сошла с пути разрушения, по которому идёт твоя фракция.

— К чему ты упомянул мою дочь? Разве ты не собираешься защитить будущее своей жены и сына?

— Верно, я хочу их защитить. Но чтобы защитить будущее Икты, существование этой девочки просто необходимо. Я это понял, когда она была у нас. Они должны оставаться вместе. Такая встреча бывает раз в жизни.

Мягкое выражение на его лице полностью убедило Сольвенареса. Никудышный отец, желавший спасения для дочери, попросил Баду позаботиться о ней, и тот отнёсся к ней, как к собственной дочери. Дочери, которую он без колебаний защитит, как и свою жену и сына.

— Но ведь полное уничтожение также применимо к семье Санкреев...

— Всё так. Однако Икту не остановит это поражение. Он не связан своей фамилией. Даже если он больше не Санкрей, он найдёт способ выжить. Такой уж у меня мальчик.

— Твоей жене очень тяжело придётся. Она ведь такая хилая.

— Если они будут помогать друг другу, то справятся. Что касается шансов на выживание... Оставляю это на тебя, Сол. Ты ведь не откажешь мне, правда?

Улыбка Бады была полна доверия. Сольвенарес так сильно сжал кулаки, что у него показались вены.

— Ты ведь понимаешь... у тебя даже не будет возможности попрощаться с ними.

— Мой сын будет меня ненавидеть, но тут ничего не поделаешь. Мы, взрослые, сделали всё недостаточно хорошо.

С горечью кивнул Бада. Его старый друг хотел ему помешать, но его остановило то, что далее сказал Бада.

— Это мой груз. Я поступил в армию не добровольно и не собирался становиться героем. Однако... я решил стать отцом. Меня никто не заставлял, и я не плыл по течению. Я сам выбрал эту роль.

— ...

— И это, пожалуй, лучшая причина пожертвовать собой. Я хочу оставаться отцом для этих двух детишек до самого конца. Понимаешь, Сол?

Открыв глаза и закончив вспоминать о прошлом, Сольвенарес снова посмотрел на парня и сказал ему.

— То, что он пытался защитить, прямо здесь. Всё на этой картине. Включая мою дочь.

Он больше не мог этого выносить и опустил взгляд. Это была реакция многих людей на то, что им дорого.

— Будущее совместной жизни с любящей женой и двумя детьми. Это было единственное, за

что Бада сражался в своей последней битве. Он сделал всё, чтобы победить, а потом умер. В отличие от меня, который проиграл своё право с самого начала, он оставался твоим отцом до самого конца.

Сказал человек ради репутации своего друга. В тот момент, когда он это услышал, плечи парня задрожали.

— Я знаю...

Когда по его щекам покатались слёзы, он впервые заговорил за два года.

— Я знаю, что отец любил меня и защищал. Вспоминая о детстве, это единственное, что приходит на ум. Теперь я понимаю – те три месяца стали для меня целым миром. Вот почему я хотел их защитить. Защитить то, что мне было дорого... но я не смог. Я был бессилен и потерял родителей, а потом я потерял её из-за своей слабости...

Он категорически отмёл свою самооценку. Его чувство потери было настолько сильным, что он не мог даже пошевелить пальцем. Перекрывая чувства, разъедающие парня, со своими собственными, генерал с красными волосами тихо спросил.

— Позволь спросить об одном. Моя дочь... Ятори... она тебя о чём-нибудь просила?

Когда ему задали вопрос, в голове у парня возникли множество слов, но ответом было всего одно предложение.

— Не надо защищать ни страну, ни третью принцессу... впредь и в будущем... защищай эту девочку.

— Это то, что она сказала?

Сольвенарес был ошеломлен. Как Игсем, он понимал, насколько серьёзен смысл её слов.

— Потомок Игсем... меч, что защищал Империю... и её последние слова были о чём-то, кроме беспокойства о будущем нации!? Это лучшее доказательство. Твоё существование спасло человечность моей дочери.

Мужчина считал, что этому молодому человеку не о чем жалеть. Неспособность защитить красноволосую девушку, которая ушла раньше положенного срока, была всецелой виной её отца. Вся вина лежала только на Сольвенаресе Игсеме.

Так что парню нужно было гордиться тем, чего он достиг.

— Эта слабость у меня от отца. Я был связан с ней кровью и ничего не сделал для неё, как её родня. Я не имею права говорить что-либо сейчас, и, возможно, это прозвучит нелепо, но я хочу поблагодарить тебя. Спасибо, Икта Солорк... Благодаря тебе сердце Яторишино уцелело.

Сказал отец красноволосой девушки и склонил голову. Икта молчал, пока слова проникали глубоко в его сердце.

Через несколько минут молчания Сольвенарес снова спросил.

— Чего ты желаешь?

— ...

— С установлением нового правительства, Игсем ныне освобождены от обязанностей хранителей Империи. Будущее нации сейчас находится в руках новой Императрицы и фракции Ремион. Я не имею права вмешиваться в их решения. Моё тело - всего лишь пережиток прошлого, а мои единственные мысли - ржаветь вместе с моими двойными лезвиями. Однако...

Мужчина сделал шаг вперёд. Последнее, что было в его сердце, толкнуло его гниющее тело вперед.

— Скажу вот что. Если последняя воля моей дочери всё ещё жива в тебе...

Он встал на колени перед парнем - человеком, которого однажды хотел усыновить. Даже в какой-то момент убить. Осиротевший сын своего хорошего друга... парень, в ком жила душа его покойной дочери... У мужчины было бесчисленное множество причин помогать этому парню. И никакие обязательства не могли его удержать.

— Я надеюсь исполнить её желание, пока в моих жилах течёт кровь.

Он безнадежно опоздал, но Сольвенарес всё ещё хватался за это желание. С этого момента он будет достойно играть роль отца Яторишино Игсем, пока не испустит последний вздох, и будет помогать Икте Солорку, который был её второй половинкой.

Он решил жить как отец и человек до конца своей жизни. Прямо как это сделал Бада Санкрей.

— Я не проиграл...

Перед лицом решимости красноволосого генерала темноволосый парень вспомнил её последние слова.

— Ятори...

Девушка с красными волосами поблагодарила его. Сказала спасибо за то, что он встретил её.

Тогда почему он не увидел, как она жила до самого конца?

- Икта, выше голову...

Всё время они проводили вместе. Всё, что они разделяли, радость и печаль, бесчисленные драгоценные камни. Он их не потерял. Каждый осколок всё ещё был в его сердце.

- Ты сдержал своё обещание!

Её последние слова всё ещё отчетливо звучали в его ушах. Парень знал, что она имела в виду.

— Могу я... и вправду так думать?

Думать, что обещание выполнено. Возьми эту девочку за руку и направь её к счастью – обещание, которое он дал своей матери, было исполнено в тот же момент. Встреча с ним, и дни, которые они провели вместе, пролили свет на жизнь Яторишино Игсем.

В этом не было никаких сомнений. Это то, о чём она говорила ему перед смертью. Однако тот, кто не мог принять этот ответ, был сам он.

Потому что он хотел проводить с ней больше времени...

Потому что хотел увидеть с ней будущее...

Он был полон сожалений о том, что не достиг этого светлого будущего.

Однако кое-что он не потерял. Волю, которую она оставила ему.

То, что он хотел защитить больше всего на свете – Ятори... продолжала жить в нём.

Поэтому ему пора бы перестать притворяться трупом и сделать шаг вперёд.

— Начальник штаба.

Парень решился и сказал.

— Можете дать мне костыль?

— Конечно!

Лицо генерала Сабы, услышавшего эту просьбу, засияло. Икта взял у него костыль и, покачиваясь, встал. Он преодолел затяжную боль от раны, нанесённой болтом, и атрофированных мышц ног, и встал.

— Шамию, где она?

— Её Величество находится в горах к северу. Вероятно, сейчас сражается.

Его начальник штаба ответил восторженно. В этом отчете было зловещее чувство, но генерал Саба не мог сдержать своего волнения. Ночь не длится вечно, рассвет наступает всегда. Он сохранил эту надежду, сказанную ему в прошлом темноволосым парнем до сегодняшнего дня. Он собирался стать свидетелем приближающегося рассвета в третий раз.

— Понятно, вот оно что. Можете подготовить кавалерийский отряд? По крайней мере, одну роту, можно и батальон. Желательно из элиты, чтобы не тратить больше времени.

— Я всё подготовлю. Тебе, наверное, тяжело будет выходить на передовую с травмой ноги, поэтому что насчёт командующего командира?

— Передо мной стоит идеальный кандидат.

Без промедлений сказал Икта, глядя на красноволосого генерала. Когда он взглянул на Сольвенареса, который встал, чтобы ответить на его просьбу, парень положил руку на короткий меч на поясе.

— Прости, Ятори, я слишком долго спал... но наконец-то проснулся. Придётся потом извиниться перед ребятами из Рыцарского Ордена.

Сказал про себя парень, открывая поясную сумку, чтобы погладить Кусу по голове. Его партнёр – дух света, который оставался рядом с ним последние два года, сказал: “С возвращением, Икта”, и нежно улыбнулся.

Положив руки на плечи двух генералов, Икта вышел из комнаты. Он в последний раз посмотрел на семейный портрет Бады и выжег его в памяти, прежде чем выйти. Когда он закрыл глаза, он увидел сцену, которую его отец пытался защитить, и представил то, что теперь ему нужно защищать.

— Шамию, я иду за тобой. Пожалуйста, будь осторожна!

<http://tl.rulate.ru/book/3196/977838>